

Впервые Глебова я увидел на весьма скромных похоронах. Хоронили мы замечательного старика. Слушал я тогда в маленькой многотиражной газете, принадлежавшей знаменитому когда-то тресту «Омскнефтепроводстрой». Прибегая иногда в главную трестовскую контору, старик этот - огромный, бровастый и громогласный - обязательно залетал и в нашу редакционную комнатку: громко шутил навек задумавшим на морозных стройплощадках голосом и, захватив свежий номер многотиражки, опять убежал куда-то по своим бесконечным общественно-пензионерским делам.

И вот он умер, отшумел... Играла музыканты. Выносили из дома гроб. И Глебов, обнажив, как все, голову, молча стоял и смотрел в землю.

До этого я видел его только на телеэкране. Время было - самый разгар перестройки. Всем разрешили быть смелыми и почему зря ругать «аппаратчиков», «партократов» - любое руководство. Ругали и председателя горисполкома Глебова. Имя его нередко мелькало на газетных страницах, порой в сопровождении самых нелестных эпитетов.

- Слушай, а он-то зачем тут? - уточнил я у стоящего рядом с венком в руках знакомого прораба.

- Как «зачем», они же работали вместе. Глебов - строитель вечный, первым трестом командовал. А покойный к нам когда-то из первого и пришел...

Что связывало его, руководителя крупного ранга, и нашего утихшего навсегда старика? Конечно же, прошлая работа - напряженная, суматошная и безжалостная к людям во все времена работа строителя. Вечная нехватка самого нужного, мат на планерках в прокуренных прорабских вагончиках, авралы перед сдачей объектов...

Вспомнил я эти похороны, когда стало известно: к 280-летию города звание «Почетный гражданин Омска» присвоено и Юрию Яковлевичу Глебову. Честно говоря, поначалу подумалось: ему-то за что? Давно уже ушел из власти, причем ушел, проиграв на выборах. Стал предпринимателем... Ведь звание почетного гражданина просто так не дают?

И вот мы сидим в его небольшом кабинете...

- Для меня присвоение этого звания явилось большой неожиданностью. Инициатива, как я понимаю, принадлежала В.П.Рощупкину, который, став мэром, столкнулся с проблемами города и в то же время увидел, что в период, когда я занимал пост председателя горисполкома, было многое сделано для Омска, его инженерного обеспечения, строительства жилья, детских объектов культуры и пр. Устойчивая работа теплотрасс, электросетей, водопроводов заложена в тот период. Кроме того, были разработаны и начали действовать программы развития Омска, затем они легли в основу дальнейшей работы мэрии.

Осуществлять эти программы было сложно. Тогда ведь были еще всяческие запреты: например, область с областью не могли торговать, обмениваться продукцией. Мы, помню, не могли завезти цемент из Новосибирска - это было запрещено. Отправить соседям свою продукцию тоже не могли - по той же искусственной причине. И даже внутри области не все можно было делать. Я не мог получить с нефтезавода горючее для транспорта, не мог получить битум для того, чтобы отремонтировать городские дороги. Нефтезавод отправлял продукцию куда угодно, но здесь мы не имели на нее достаточных лимитов. Вот и приходилось по сути дела обманывать государство: как-то доovarиваться неофициально, искать пути решения. Вот и родилась мысль создать первую в городе коммерческую структуру - называлась она «Инициатива». Это было где-то в году 85-м. По всей стране начались тогда дискуссии по поводу создания различных форм собственности. Часто вспоминали 20-е годы, НЭП. И мне показали, что можно в пределах закона создать такую структуру, которая смогла бы добывать для города внебюджетные деньги.

Если же говорить еще об одной идее, - создании «Омского торгового дома» - то она родилась позже, когда я уже работал советником у Л.К.Полежаева. Принадлежала идея Е.А.Студеникину и была поддержана губернатором. Ну а практическое осуществление было замной. Цель - создание межрегиональных связей, что в дальнейшем послужило основой для организации ассоциации «Сибирское соглашение».

А наш «Торговый дом» вскоре свое практическое значение в помощи городу и области потерял. Если сказать точнее - его просто-напросто, что называется, затуркали. Начали ему предъявлять обвинения и подозрения в какой-то криминальной сущности, в том, что мы хотим только нажиться, город обокрасть и т. п. А когда к власти пришел Ю.Я.Шойхет, я вообще вынужден был создать новую структуру - АО «Престиж», которое существует с 1992 года.

Мы не являемся фирмой типа «купи-продай». Были поначалу и такие подразделения в составе «Престижа». Но сейчас занимаемся производством. На базе комбината стройматериалов в Николаевке выпускаются пенополистирол, асфальт, полиэтиленовые трубы, про-

Глебов

туарная плитка. Изготавливаем тару для школьного питания из собственной полистирольной пленки. Ведем строительство дешевого муниципального жилья в Центральном административном округе. Скоро будем сдавать первые десять домов из ста запланированных, находятся эти «первенцы» в Амурском поселке. Жить там будут учителя, врачи, работники сферы культуры - те люди, которые заплатили за свои будущие квартиры по 30 процентов от их стоимости. Участвовали мы и в благоустройстве центра города той же теперь знаменитой улицы Тарской - «дороги к Храму».

В состав нашего АО входит полиграфическое предприятие «Литограф». Там печатаются газеты и журналы, книги выходят, другая полиграфическая продукция.

- Мне попадались издания «Литографа». Показалось, что это предприятие склонно к определенной политической линии. Например, именно здесь печатается газета «Красный путь»...

- Нет, это вам действительно показало. Продукция там выпускается самая разная. Политикой мы не занимаемся.

- Не буду скрывать: перед тем, как к вам прийти, целый день просидел в Пушкинской библиотеке - перечитал все или почти все, что о вас писали за последние 10 лет. Надо сказать, невниманием прессы обижены вы не были. Но, естественно, чаще всего журналисты интересовались прежде всего Глебов-политик, Глебов-хозяйственник,

Глебов-бизнесмен. А я думаю, что читателям, особенно старожилам-омичам, теперь будет интересно узнать побольше подробностей из биографии почетного гражданина своего города...

Мой редактор, отправляя меня к вам, разыскал в своем личном журналистском архиве вот эту старую вырезку из «Вечернего Омска». Май 1989 года. Тогда город начинал большое и хорошее дело - пытался помочь так называемым бесперспективным деревням. Газета дала репортаж о вашей поездке по таким деревням, вот на этом снимке и вы сидите на лавочке среди сельских жителей, о чем-то с ними беседуете...

- Восемьдесят девятый год... Почти ничего из задуманного в этом плане мы осуществить тогда не успели. Это был последний год деятельности нашей горисполкомовской «команды». Пришли другие люди, и практически все программы, которые предусматривались, были свернуты. И город отошел от оказания селу какой-либо помощи. А само оно начало постепенно жить все хуже и хуже.

- Вы ведь сами родом из деревни? - Да, но в детском возрасте я деревню и себя в ней не помню. Мои родители - учителя, и они по тогдашнему призыву ехали в деревню с целью ее просвещать отправились в 29-м году в село, в Новокосовский район, стали преподавать в начальной школе. А вскоре и я у них родился. Первый и, как оказалось потом, единственный.

Жили мы в Омске (куда вернулись после долгих скитаний по стране), на улице Фрунзе, между Госпитальной и Гусарова. Прадед мой, прослуживший в царской армии 25 лет, пришел оттуда в самых «главных» - солдатских чинах. Но пришел с деньгами (подкопил - такая, видимо, тогда система существовала) и всем своим детям смог заложить небольшие дома.

Перед войной отчим перевез нас на Север - в Архангельскую область. Край, как известно, лагерный, отчим работал заместителем начальника лагеря по материально-техническому снабжению. Я, тогда еще мальчишка, приходил к нему на работу, часто общался с заключенными. Они заготавливали лес, строили железную дорогу. Я запросто ходил в зону, меня там зеки, помню, угощали чаем с галетами, радовались, видимо, об-

ровна стала создавать наш знаменитый Омский хор.

- Давайте поговорим о вашей главной профессии. Строителям можно позавидовать: после них, как после никого другого, остается нечто реальное.

- Да, сегодня я иду по городу и смотрю: вот этот кинотеатр или Дворец культуры строились при мне. Вспоминаю историю этого строительства. Люди видят готовый объект - плод труда строителя, архитектора, дизайнера. «Кухня» им неизвестна, а строитель все помнит...

- Вот, к примеру, по-разному можно относиться к Хрущеву. Словечко такое обидное придумали про малометражные квартиры - «хрущевки». А ведь он в эти малометражки миллионы людей из подвалов и барачков переселил...

- Думаю, что прежде всего это был большой социальный рывок к улучшению жизни. До этого масса ютились в полужемлянках, бараках, коммунальках перенаселенных... Была поставлена задача: помочь людям. Поэтому и шло быстрое, дешевое строительство. И все с удовольствием заселялись в эти квартиры, радехоньки им были.

Но предусматривалось-то что? Что дальше, с развитием экономики появятся жилые дома другого, улучшенного, типа - и в таком же массовом масштабе. Да и строились-то эти «хрущевки» с запасом примерно на 40-50 лет. А что потом появилось? Дурацкий лозунг: «Каждой семье к 2000 году - отдельную квартиру!» В целом по стране это было изначально невыполнимо, и все это понимали. Хотя у нас в Омске - местную очередь на квартиры мы бы, по нашим расчетам, закрыли. Без всякого горбачевского лозунга. Сегодня мэрия мечтает о таких «хрущевках».

- Сегодня вновь появляются на политической арене хорошо известные омичам фигуры: Манякин, Лохитайло, Норка, до некоторых пор находившиеся как бы в тени. Чем, на ваш взгляд, это можно объяснить? Время изменилось? Они ли сами почувствовали, что политический ветер стал для них более благоприятным? Или это объективная, так сказать, потребность общества в возвращении именно таких личностей? И самое главное - почему вас лично не видно среди этих людей, хотя вы - фигура в Омске не менее весомая?

- Был период, когда народ не хотел никого слушать, кроме демократов. Было бессмысленно появляться на политической арене. Сегодня обстановка изменилась, сегодня слушают всех...

Я вообще-то никогда не занимался чистой политикой. В основном я - хозяйственный руководитель, и вся моя жизнь - это хозяйственная деятельность. Был строителем двадцать с лишним лет, был председателем горисполкома - тоже в первую голову занимался хозяйственной работой, политика никогда не была у меня на первом плане. И сегодня, когда продолжаю заниматься практической деятельностью, политика для меня опять, как говорится, постольку-поскольку...

- Но ведь было время, когда вы выставляли свою кандидатуру в Верховный Совет России, то есть стремились попасть именно в ряды политиков?

- Почему пытался стать народным депутатом? Это позволило бы мне как председателю горисполкома (или, как теперь говорят, мэру города) войти в такие властные и хозяйственные круги, которые помогли бы мне в вопросах улучшения финансирования Омска. В то время мэром была фигура заурядная - для правительства, для Госплана, для Госснаба и т. д. Мы не были вхожи во многие высокие кабинеты. А депутатство могло бы в этом деле сильно помочь.

(Окончание на стр.4)

(Окончание.
Начало на стр.3)

-Сергей Иосифович Манякин. Должно быть, вам по многим делам приходилось с этим человеком сталкиваться? Какое впечатление осталось о нем по прошествии лет: трудно, тяжело было с ним работать?

- Да, тяжело. Внутренне я во многом не соглашался с некоторыми его оценками. Не берусь судить о вопросах сельского хозяйства, но то, как при нем насиловали город... То и дело для села принимались различные программы. Преисполненные самыми благими намерениями, они не были обеспечены ни финансами, ни материальными ресурсами. А городу ставились задачи: надо строить коровники, свинарники, кормоцеха и целые кормоперерабатывающие заводы, силосные траншеи, жилье для селян...

Но из ничего что-либо не возникает... Это были волевые, красиво звучащие решения, а как конкретно должен был город решать тот или иной вопрос - это уже была проблема не Сергея Иосифовича, не обкома партии, а наша - города. И я помню, как, еще будучи управляющим стройтрестом, а потом уже - предгорисполкома, помимо своей воли отдавал указания, согласно которым отрывались ресурсы с пусковых объектов и направлялись на село - для исполнения решений обкома.

Были случаи, встречаешься с конкретным председателем колхоза, директором совхоза, а тот, оказываясь, довольно прохладно относится к нашей помощи: «Ну стройте, раз вам поручили, раз принято такое решение... А нам, честно говоря, это особенно-то и не надо...» А мы-то: в летнее время, то есть в самый сезон, когда строительство в городе должно идти полным ходом, забираем в пусковых объектов квалифицированных рабочих и отправляем их в деревню! То же и со стройматериалами: самый дефицит - трубы, металл, цемент (тогда все это нормировалось) - вынужденно посылали на село. И все при так называемом «плановом» ведении хозяйства.

- Может быть, тут дело не только и не столько в личных «аграрно-химических» пристрастиях тогдашнего хозяина области? Ведь в конце-то концов указания подобного рода спускались из Москвы - со Старой площади?

- У обкома было предостаточно власти, чтобы гибче на это реагировать, даже как-то регулировать в масштабах области подобные решения Москвы. Не все такие указания, которые оттуда приходили, Манякин точно выполнял. Но когда речь шла о деревне, здравый смысл частенько уходил на второй план.

- Вспомним более близкое прошлое. Идет тот период, который мы сегодня с некоторой долей условности и горечи называем «перестройкой». Вы пригласили на выборы. Почему столь резко и целенаправленно ушли не в тень, как многие руководители такого ранга, а в дело - в бизнес, в предпринимательство?

- Если уж мы заговорили об этом, то хочу вспомнить посетившее меня тогда чувство удивления: в тень ушли политические омикие руководители, политические профессионалы. А как мог уйти в тень я, если всю жизнь был в конкретной работе, в деле, занимаясь организацией производства - в масштабах треста, затем в масштабах города? И представить себе не мог, что в разгар таких событий могу отсиживаться на даче...

- Была единая и неделимая, казалось бы, КПСС. Почему, на ваш взгляд, после того как она рухнула, одни вчерашние члены партии остались активными защитниками всего уходящего, стали активно звать в «светлое прошлое», а другие, вроде вас, занимаются делом, хотя тоже не в восторге от того, что видят вокруг?

- Я думаю, что «в чистом виде» никто не зовет в «светлое прошлое», даже крайне левые. А вообще, не следует придерживаться ни крайне «правых», ни крайне

«левых» направлений. Это неизбежно ведет к конфронтации в обществе, к войне - закрытой, а то и - не дай Бог! - открытой. Нужно всегда пытаться разумно оценивать ситуацию и находить золотую середину, возможность компромиссов. А противостояние никогда не было двигателем общества. Внутри себя можно переживать, перелопачивать события, со многим не соглашаться, но в практических делах надо находить практическое же решение. В любой ситуации.

Что толку, если сегодня все мы начнем без конца говорить: мол, все кругом плохо? Не будут этому до конца верить, так как есть же какие-то ростки и хорошего. И наоборот, - если вдруг найдется чудак, который начнет только захваливать происходящее вокруг, ему тоже никто не поверит... Надо просто работать,

испортились, несколько подножек с его стороны было в нашей работе. Я неслучайно отозвался о нем в газете. После этого, естественно, отношения стали соответствующие...

Как предпринимателю, как человеку, умеющему организовать дело, ему не откажешь. Но руководить городом Шойхету оказалось не по силам - видимо, сказалось отсутствие опыта организаторской работы крупного масштаба. И в «команду» его, может быть, было подобрано недостаточное количество специалистов-профессионалов. Фигура эта, одним словом, весьма характерная для того переходного этапа развития общества - периода «временных» людей: общественная политическая волна вынесла его на поверхность.

- Юрий Яковлевич, вы, говорят, настоящий сибиряк и в том смысле,

по крайней мере, понятно. А если сегодня прекрасный специалист из музыкального училища развлекает своей игрой прохожих? Или научный работник становится лотошником? Разве такие факты могут оставлять спокойным меня - человека лично благополучного и ненуждающегося?

Я же и прежде жил нормально - имел зарплату в 400 рублей, и этого вполне хватало. Если бы мне сегодня сказали: давайте вернемся в те времена, но с соответствующими поправками и в политической, и в экономической жизни, то я бы вернулся. Вернулся бы на ту заработную плату, которую тогда получал. Говорю вам это совершенно честно и откровенно, без всякой рисовки.

- Хотелось бы расшифровать слово «поправки». Его нужно понимать в том смысле, что вы, как и многие, чувствовали «ножницы»

Люди не осознают, во имя чего им рботать - во имя дальнейшего процветания господ Березовского, Черномырдина или еще во имя чего? Попробуй сейчас заставить нас работать, как, например, работали мы после войны, восстанавливая свою поверженную страну... Или так, как трудились наши люди во времена индустриализации: все терпели, ибо знали - впереди достойная, великая цель.

Программы нет. Четкой, ясной, продуманной стратегической общесоциальной программы.

Сейчас я написал на имя Л. К. Полежаева записку, в которой говорю, что у нас в области и городе было три кита: сельское хозяйство, военно-промышленный комплекс и нефтехимия. Сельскохозяйственный комплекс один не вытянет нас из беды, с военным - ясно, что сделаться. И, если мы еще и нефтехимию завалим, просто неоткуда будет брать налоги. Надо, по моему мнению, обратить сейчас внимание именно на нефтехимию. Ведь «Сибнефть» хочет сократить поставки сырья на нефтезавод, а это сразу же на других омских предприятиях отразится: на СК с нефтезавода продукция идет, на «Химпром» - идет, на «Техуглерод» - идет. И если эти поставки вскоре «сожмутся», то что будет? Совсем иссякнут налоговые источники, и где будем брать деньги? Вот я и прошу в своей записке Леонида Константиновича обратить на это внимание и комплексно рассмотреть проблемы нефтехимических предприятий.

Не хочу сказать, что сегодня абсолютно все плохо. Но плохого сегодня больше, чем хорошего. Хорошо то, что для руководителя есть, если так можно выразиться, свобода передвижения, свобода маневра. Однако к свободе этой ничего не приложено - ни экономического, ни финансового обеспечения. Руки у городов, у областей развязаны, и это тоже факт положительный. Но ведь производство в этих городах и областях стоит, а это уже не их вина. Наша область, в частности, из донорской превратилась в дотационную. Как пользоваться свободой, не имея денег, поддержки государством отечественной промышленности? Наша продукция неконкурентна именно в силу политики, проводимой властью.

Показал Глебов на прошлые огромный альбом - в корках из красного бархата. Еще в стройтресте на 50-летие сотрудники подарили. Странный, на первый взгляд, альбом. Вначале - несколько фотографий самого юбиляра, а на остальных фото - сплошь все разные здания - цирк, дворцы культуры «Химик» и «Звездный», кинотеатры «Кристалл» и «Сатурн», городской Дворец пионеров... Это все объекты флага Омска омского строительства - 1-го треста, где Глебов прошел все ступени - от рядового инженера до управляющего.

Руководить же Глебову порой приходилось таким образом. Строили в Ленинском районе «лесную» школу для страдающих туберкулезом детей. «Мучили» объект долго, все сроки уже на десять рядов передвинули, но никак закончить не могли. Тогда Глебов посадил строителей в автобус и отвез к старой «лесной» школе, в которой пока обитали больные дети, ожидая новую. Увидели строители прогнившие проваливающиеся полы, провисшие потолки, заиндевевшие углы в классах. Особенное впечатление произвел зажатый и щелкающий «скворечник» на школьном дворе: в него туберкулезные мальчишки и девочки вынуждены были бегать по трескучему морозу - тепло туалета в старой школе не было. И что-то перевернулось в душах этих видавших виды, заматеревших мужиков. Вскоре сдали они новую школу.

Кто сейчас сосчитает, сколько детей спасла тогда эта автобусная поездка? О которой и сам-то Глебов, наверное, сегодня вряд ли помнит, так как услышал я об этом случае совсем не от него.

Александр ЛЕЙФЕР.
Фото Евгения КАРМАЕВА.

ГЛЕБОВ

пытаться помочь всем нам сдвинуться с того, на чем мы застряли. Любая даже самая верная критика - это всего лишь критика, то есть оценка.

Вот мы-то, люди дела, сегодня и пытаемся решать, а не только критиковать. Пытаемся наладить производство, создавать рабочие места, поднимать экономику. И на местах таких попыток видится даже больше, чем в центре.

- Был такой момент, когда под многими земля, как говорится, за колебалась, стены, еще вчера казавшиеся незыблемыми, вдруг зашатались. Не было у вас лично тогда чувства страха или, допустим, неуверенности? После поражения на выборах не было ощущения, что жизнь приходится начинать «с нуля»?

- Нет. Я четко видел, что люди, которые вышли на политическую арену и оказались как бы в первых рядах, которые в тот период себя обозначили, - это не деловые люди. Тревожило, что на ведущие политические роли пришли персоны некомпетентные в системе управления областью и городом, некоторые из них просто-напросто не знали живой жизни, смотрели на нее сквозь академические очки. Пугала именно вот эта неопределенность, было непонятно, как же будет дальше?

И время показало, что во многом эти опасения оправдались. Не случайно большинство из людей, что были в те недавние времена при той же городской власти, постепенно отошли куда-то в сторону. На наших глазах им на смену приходят профессионалы, специалисты.

А в плане чисто личном... Ну какой тут особенный страх и неуверенность? Когда я проиграл на выборах, мне уже 60 стукнуло, у меня пенсия уже была - чего особенно было волноваться-то? Мне, повторю, было тревожно за сделанное, наработанное, за запланированное - была тревога за судьбу города. И я до сих пор думаю: подожди мы тогда все вместе разумно, без рынков к решению многих вопросов, изменив при этом лишь политические акценты, но не нарушая законов экономики, во многом бы оказались не в девятнадцатом веке, как сейчас, а в двадцать первом.

- Хочу задать вам вопрос о человеке, от которого в какой-то степени одно время зависела и жизнь наших земляков, и жизнь города в целом. Это Ю. Я. Шойхет. Что сейчас, по прошествии нескольких лет, вы можете о нем сказать?

- До того, как стать мэром, господин Шойхет был, как известно, предпринимателем. Человек он активный, контактный. Смог зарекомендовать себя у господина Искракова, когда тот был председателем экономического комитета Верховного Совета РФ. Связь с Москвой, а возможно, и некоторое влияние Гайдара помогли занять ему кресло мэра.

Я неоднократно встречался с ним, будучи уже руководителем «Омского торгового дома». Вначале было взаимопонимание, потом отношения

ле, что никогда в застолье не отказывались от доброй стопки. Интересно, как вы в свое время восприняли лигачевский указ о «сухом» законе?

- Сегодня Лигачев от этой инициативы откреживается. А воспринял я его указ соответствующим образом - как одну из очередных наших глупостей. Дело это было не столько хозяйственное, сколько политическое. Мне воплощать этот указ практически никак не пришлось. Помню, как мы встречали тогда венгров и признавали приветственные тосты, чокаясь... томатным соком. Кто-то из венгров не выдержал и с подковыркой сказал, что были впервые в жизни. После, говорят, они поспешили в отведенные им апартаменты и уж там отвели душу...

А сколько людей пострадало тогда из-за лишней выпитой рюмки? Из партии ведь исключали, судьбы ломали... Да черт с ним, с этим пресловутым «водочным» указом! Были дела и посерьезней, но, в принципе, подобного же плана. Чуть ли не ежедневно в течение многих лет выходили постановления партии и правительства по самым разным вопросам. И мы видели их неисполнимость.

Или взять пятилетние планы. В принципе, все в этих планах было правильно, но там, наверху, принимая их, руководствовались, видимо, целями пропагандистскими - воодушевить народ, вдохновить его на новые трудовые свершения и т. д. Однако мы, практики, здесь, на местах, понимали: запланированных конечных результатов не будет. Это были нереальные мечты, спущенные сверху. Но приходилось прилагать усилия к выполнению, рапортовать и прочее.

- Вы имеете право высказывать негативное отношение и к нынешней власти в стране. Но ведь именно при этой власти, вы, чиновник, получили возможность за короткий в общем-то срок стать крупным бизнесменом, состоятельным, мало от кого зависящим человеком. Как совместить это? Ведь именно условия, созданные сегодня, позволили стать ушедшему в отставку после неудачного участия в выборах чиновнику Глебову тем Глебовым, которого знает и уважает нынче весь деловой мир региона, который получил редкое звание почетного гражданина Омска, наконец...

- А меня, честно говоря, не радует, что я в этих экономических условиях стал, к примеру, президентом «Престижа» и, как вы говорите, состоятельным человеком.

- Неужели вас больше порадовало бы, если бы вы стали бомжем?

- Нет, конечно. Но мне не хочется упиваться собственным благополучием. Этой личной радости мешает то, что вижу вокруг. А вижу я много несправедливости - прежде всего по отношению к маленькому человеку, вижу беззащитность обыкновенных граждан... Хорошо помню послевоенных нищих - людей, изувеченных в боях, без ног, без рук. Это было,

между идеологическими постулатами и их практическим воплощением, между разглагольствованиями о скором изобилии и пустыми магазинными полками? Такое тогда не мучило?

- Почему же не мучило? Всегда, например, вызывали недоумение всяческие запреты: то нельзя любить джаз, то запретным объявлялся рок и т. д. Но ведь на любой запрет будет сильная обратная реакция, таков жизненный закон. Касается это и более серьезных вещей - тех же Солженицына, Сахарова... Все эти запреты в политическом плане были вредны. Нужно было дать свободу мысли и многое в нашей жизни пошло бы по-другому.

Разве трудно рабочего наусякать выступить на митинге против академиком Сахарова? Тот с энтузиазмом выступал, ни строки у этого Сахарова не прочта. А ведь все это говорило об ослаблении всей партийной системы, ее мускулов. В результате партия оказалась попросту небоеспособной, и стоило ее чуть расшатать, как она, еще вчера казавшаяся монолитной и нерушимой, развалилась.

Это в плане идеологическом. А взять экономику. Конечно, мы могли жить в десять раз лучше, чем жили, если бы не стремились к мировому господству прежде, чем наладили дела у себя дома. Помогали любому режиму, лишь бы склонить его руководителей к построению социализма, хотя в первую-то очередь надо было у себя построить нормальную жизнь. А затраты на армию? Конечно, то, что сегодня происходит с армией, - это позор. Но и то, что происходило в военной области тогда, нормальным не назовешь, траты на армию делались с огромным избытком.

Для чего нужно было иметь запас атомных и водородных бомб, которыми можно было бы десять раз уничтожить весь земной шар? Или зачем нужно было такое количество танков, которые и по сей день непонятно куда девать? ВПК развивался явно ненормально, гипертрофированно. И, наконец, не было у нас никакого внимания к производству товаров народного потребления - несмотря на правильные постановления и решения. Все, чем забыты сегодня магазины, мы вполне могли иметь уже тогда. А сейчас «за бугор» идут за все это наши же деньги...

Вот что я имею в виду, когда произношу слово «поправки».

- Прочитал одно из последних ваших интервью. Уж очень там пессимистический, можно сказать, печальный конец. Мне даже показалось, что вы, как и самый, пожалуй, честный сегодня писатель Виктор Астафьев, считаете, что на нынешнем этапе Россия может спасти только чудо. Но ведь в чудеса верить мы не приучены... Неужели никакого света в конце туннеля, на ваш взгляд, не просматривается?

- Сегодня люди не знают цели своей жизни - вот что плохо. Не поставлена цель перед обществом в целом.